

Лана Фрейтаг

Проданная ночь

«Литнет»

2026

Фрейтаг Л.

Проданная ночь / Л. Фрейтаг — «Литнет», 2026

Мне двадцать один, и я до сих пор девственница. Семь лет в модельном бизнесе дали мне красивое портфолио, долги и понимание: наверх бесплатно не пускают. Когда мне предложили продать одну ночь очень влиятельному мужчине, я согласилась. Я думала, эта сделка откроет мне двери в мир больших денег. Я не знала только, что за этими дверями встречу Его. -----
ОТ АВТОРА Модельный мир, большие деньги, жаркая Колумбия, закрытые двери и горячие сцены. Мини-роман. Можно читать отдельно. ♥#

© Фрейтаг Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Мне двадцать один, и я до сих пор девственница.

Треснувшее зеркало в ванной показывало все без жалости. Голые колени, влажную кожу, сползшую бретель и плитку такого цвета, будто на ней умирали надежды бедных девушек. Я повернулась боком, подняла телефон выше и снова посмотрела на экран. На фото я выглядела так, будто меня можно дорого продать. Но стоило глазу соскользнуть чуть в сторону, и в кадр лезла наша убогая ванная: ржавые швы, старый смеситель, облезлая труба. Нищета всегда умела влезть в кадр без приглашения.

Я прикусила губу и сделала еще снимок. Потом еще. На одном слишком дешево выглядела ванная. На другом слишком отчаянно выглядела я. Как будто не дразню, а прошу. Я умела стоять в кадре, ловить свет и держать лицо, когда в шестнадцать тебе говорят втянуть живот, в семнадцать — убрать бедра, а в девятнадцать обещают контракт, если будешь поумнее и поговорчивее.

Я выругалась себе под нос, стерла два снимка и снова поправила платье. Тонкая ткань липла к влажной коже. Соски под ней читались слишком хорошо. Так и надо.

Нельзя плакать. Завтра я продам девственность, и лицо на фото должно стоять не только этой ночи, но и всего, что она мне откроет.

В дверь ударили так, что я вздрогнула и едва не уронила телефон в раковину.

— Лома, mierda, сколько можно торчать в ванной? Мне надо в туалет, срочно!

Я закатила глаза и быстро смахнула фото в скрытую папку. Ну конечно. Стоило мне впервые за долгое время закрыться одной, как София, которая должна была быть на смене еще часов пять, приперлась домой именно сейчас.

— Минуту! — крикнула я.

— Какую, к черту, минуту? Я сейчас обосрюсь под дверь!

На фото я была не девчонкой из тесного дома с пустым холодильником. На фото я была той, ради которой мужчина с очень большими деньгами мог открыть дверь в жизнь, куда я семь лет билась и так и не вошла.

От этой мысли внизу живота неприятно стянуло. То ли от стыда, то ли от страха, то ли от того, что назад уже нельзя.

— Лома! Открывай, сагајо!

Я распахнула дверь так резко, что София едва успела отскочить.

— Ты больная? — выдохнула она, схватившись за живот. Потом прищурилась, скользнула взглядом по моим волосам, голым плечам и телефону в руке. — Куда это ты так нарядилась?

Я прижала телефон к бедру.

— Не твое дело.

Она втиснулась мимо меня в ванную и хлопнула дверь, предварительно смерив меня прищуренным взглядом.

Из кухни тянуло старым кофе, из ванной сыростью, с улицы жарой. Дом был тесный, душный, бедный. Такой, где все слишком близко: чужие шаги, чужие стоны за стеной, чужие долги, чужая вонь. Я так устала жить в этом, что готова была продать хоть ночь, хоть кожу, хоть последние остатки гордости, лишь бы выбраться.

— Mierda, София, какого черта ты не на работе? — сорвалась я тонко, почти на визге.

— Опять они орут, как резаные! Идите работайте, лентяйки, у меня ребенок спит!

Соседка за стеной заорала так, что младенец тут же захлебнулся плачем. В стену несколько раз глухо ударили чем-то длинным, наверное, палкой от швабры. Из ванной донеслась отборная ругань Софии, потом шум воды и хлопок крышки. Дом жил своей обычной

жизнью: кто-то орал, кто-то срал, кто-то плакал, кто-то бил в стену, как будто это могло что-то исправить.

Я пошла в комнату, сжимая телефон так сильно, что пластик впился в ладонь. В висках пульсировала боль. В комнате на всю громкость надрывался телевизор. Конечно. Эта рута врубила футбол, прежде чем закрыться в ванной. Как будто правда в нем что-то понимает.

Я уже потянулась за пультом, но на секунду задержала взгляд на экране.

Сборная Колумбии шла в атаку. Комментатор орал так, будто у него сейчас лопнут связки. Стадион ревел. Зеленое поле под прожекторами казалось почти мокрым, хотя дождя не было. Камера дернулась вслед за длинной передачей и выхватила его.

Я замерла с пультом в руке.

Он принял мяч на ходу. Двое защитников пошли на него, как собаки на мясо — бесполезно. Он ушел от первого движением бедра, продавил второго корпусом и рванул вперед.

Я не особенно следила за футболом. Но в последние месяцы, кажется, вся страна только и делала, что сходила с ума по сборной. Даже те, кому обычно было плевать, орали в барах, в такси, в очередях, спорили о составе и шансах против Бразилии так, будто от этого зависели цены на рис и аренда. Я тоже примерно знала, кто есть кто. И его знала тоже.

Тьяго Рейес.

Имя всплыло в голове сразу, вместе с обрывками чужих разговоров, заголовков, фотографий, где он смотрел в камеру так, будто собирался не улыбнуться, а ударить. На экране он был лучше, чем на фото. И хуже тоже. Живее. Опаснее.

Камера взяла его крупно перед штрафной. Он тяжело дышал, чуть приоткрыв рот. Влажные волосы прилипли ко лбу. По шее скатилась струйка пота и ушла под ворот формы. Он коротко выругался кому-то из своих, зло махнул рукой и снова сорвался с места.

Я так и стояла, глядя в экран.

Тьяго поймал мяч грудью, опустил вниз, и в этот момент камера с какого-то проклятого ракурса показала его так близко, что я увидела, как на бедре натягивается ткань шорт, как работают ноги, как напрягается низ живота под светлой формой, когда он бьет с разворота. Это длилось секунду, не больше. Но внутри у меня отозвалось сразу, ниже пупка, резко и зло, как будто тело решило поиздеваться именно сегодня.

Я стиснула зубы.

Прекрасно.

Завтра я должна ехать продавать девственность влиятельному старому ублюдку, а я стою в душной комнате, в платье, прилипшем к голому телу, и пялюсь на футболиста, как последняя дура.

На экране Тьяго не забил. Мяч прошел рядом со штангой, и весь стадион ахнул так громко, что даже соседский ребенок на секунду заткнулся. Тьяго зло вскинул голову, провел ладонью по мокрому лицу и сплюнул в траву.

— Лома, у тебя разве нет съемки сегодня?

Я вздрогнула и обернулась. Не заметила, как София уже вышла из ванной и встала в дверях, вытирая руки о шорты. Волосы у нее были кое-как собраны крабом, ресницы — огромные, как всегда, а на лице еще держался тот самый плотный тон, под которым она прятала усталость, прыщи, злость и всю свою не самую простую жизнь.

— Съемки нет, — сказала я, убирая телефон экраном вниз. — Был кастинг. Пока без новостей.

Без новостей означало почти всегда одно и то же. Меня снова не взяли. Такое случалось так часто, что я уже научилась говорить об этом ровно, будто речь шла о погоде. В двадцать один у меня было семь лет модельной работы, сотни примерок, чужие руки на талии, чужие замечания про кожу, бедра, лицо и "потенциал", который все время почему-то должен был раскрыться завтра. А по факту — просроченный йогурт в холодильнике, хозяйка квартиры,

которая уже второй раз за месяц напоминала про оплату, и карта, на которой после такси до кастинга осталось меньше, чем стоит нормальный ужин.

София прислонилась к шкафу и пожала плечами.

— Ты чего с работы-то убежала?

Она сразу оживилась.

— Диего позвал пройтись на обеде. Представляешь? Сам. Без намеков, без "может как-нибудь". Просто позвал.

— О, ну наконец-то. Поздравляю.

София довольно фыркнула, но тут же стушевалась. И мне показалось, что даже под толстым слоем тональника у нее проступил румянец.

— Мы пошли в сторону парка, купили эти дурацкие лепешки у угла, с сыром и мясом. Вкусные, конечно, но, кажется, именно после них меня и скрутило. Я еле добежала. Не пердеть же перед Диего на первом нормальном свидании.

Я хмыкнула.

— Очень романтично.

— А у меня вся жизнь такая, — отрезала она, потом прищурилась и кивнула на мой телефон. — А у тебя что за секреты? Что ты там снимала в ванной? Только не говори, что наконец завела OnlyFans, а мне не сказала.

Она сказала это в шутку. Почти весело. Но у меня внутри все стянулось так резко, будто кто-то сжал пальцы прямо на ребрах.

Я отвела взгляд.

— Ты слишком много болтаешь.

Она подошла ближе и уже без смеха посмотрела мне в лицо. Мы знали друг друга со школы. С того возраста, когда обе еще думали, что двадцать один — это почти взрослая, красивая жизнь, а не чужая квартира с тонкими стенами, долги пополам и вечный выбор между новым тональным кремом и нормальной едой. София всегда была шумнее, грубее, проще. Я — тише, злее и красивее. Это, как выяснилось, не давало особых преимуществ.

— Палома, — сказала она уже спокойно. — Что ты задумала?

Я промолчала.

Проблема была в том, что я и сама прекрасно знала ответ. Я просто устала быть девочкой, которую с четырнадцати лет меряют взглядом, разворачивают, обещают, не берут и снова оставляют у двери. Устала считать мелочь перед кассой и делать вид, что не замечаю, как хозяйка квартиры смотрит на нас, когда мы снова просим подождать пару дней.

И да, если называть все своими именами, я задумала продать то, что до сих пор почему-то считала своим.

— Ничего, — сказала я. — Просто решаю вопрос.

София усмехнулась, но без радости.

— Каким способом?

Я ей ничего тогда не сказала, но в это время в моих сообщениях уже висело:

Завтра. 20:00. Hotel Casa Montalvo. Не опаздывай. И будь умницей.

Она выдохнула через нос, как всегда делала, когда злилась, но не хотела давить слишком сильно.

— Ладно. Не говори. Только потом не делай вид, что тебя никто не предупреждал.

Я кивнула, хотя слышала уже не ее.

Слышала, как орет за стеной ребенок. Как где-то капает вода. Как в соседней квартире снова включили блендер. Как этот дом дышит мне в лицо своей тесной, липкой, бедной жизнью. Я выросла в Боготе не в самом худшем районе, но и не в том, из которого девушки вроде меня уезжают в Милан к двадцати. Меня трогали, крутили, ставили под свет, обещали "почти контракт", "почти прорыв", "почти за границу". И каждый раз это "почти" заканчивалось оди-

наково: автобус домой, лапша на ужин и новая надежда, что в следующий раз меня заметят по-настоящему.

Меня наконец заметили.

Просто не так, как я мечтала.

Глава 2

Лифт поднял меня на самый верх так тихо, будто это был не отель, а дорогая частная клиника для людей, у которых слишком много денег и слишком мало стыда. Я смотрела на свое отражение в полированной двери и старалась не трогать волосы. Светлое платье с открытыми плечами сидело на мне именно так, как было нужно: слишком просто для красной дорожки, слишком откровенно для приличной девушки и ровно настолько дорого на вид, чтобы не выдать, сколько часов я провела, выбирая его между скидками и долгами.

Когда двери разъехались, мне в лицо ударил прохладный, пахнувший цитрусом и дорогим деревом воздух. Коридор был пустой, мягкий свет лежал на стенах ровно и спокойно, будто здесь никогда не происходило ничего грязного. На секунду мне захотелось просто вернуться, нажать кнопку и уехать вниз. Но телефон в руке был тяжелым, как приговор. Номер, время, фамилия агента. Я дошла до нужной двери и нажала на звонок.

Открыл не он.

Сначала я увидела женщину лет сорока в темном платье без единой складки, с таким лицом, будто ей за всю жизнь никто ни разу не сказал ничего лишнего. Она окинула меня быстрым взглядом, от босоножек до волос, и отступила в сторону.

— Сеньор вас ждет.

Голос у нее был вежливый и мертвый. Я прошла внутрь, и дверь за спиной закрылась почти беззвучно.

Стекло от пола до потолка, белый камень, хром, светлая мебель, на которую даже садиться было страшно. За стеклом лежала залитая солнцем терраса с длинным бассейном, низкими шезлонгами и круглой ванной с бурлящей водой. Город внизу плавился в жаре. Здесь, наверху, все выглядело так, будто грязь, шум, долги и потные автобусы существуют где-то в другом мире.

Он стоял у открытой террасы спиной ко мне и говорил по телефону. Высокий, сухой, в светлой рубашке с закатанными рукавами. Седины в волосах было ровно столько, чтобы не старить, а делать опаснее. Он не обернулся сразу.

— Нет, пусть Рейес сначала доиграет сезон, потом будем обсуждать цифры, — произнес он по-английски так спокойно, будто речь шла не о человеке, а о покупке.

Только после этого убрал телефон в карман и повернулся.

— Палома, — произнес он, как будто давно знал, как я выгляжу вживую. — Проходите.

Он говорил по-английски, но не тянул слова как типичные американцы. Я кивнула и подошла ближе. Сердце стучало высоко, почти в горле, но лицо я держала. Этому меня учили дольше, чем ходить на каблуках.

— Хотите воды?

— Нет, спасибо.

— Выпьете что-нибудь?

— Нет.

Он едва заметно улыбнулся, и от этой улыбки мне стало еще хуже. Потому что он явно видел, как у меня дрожат пальцы, и это его совершенно не трогало.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда давайте не будем тратить время на лишнее.

Он указал на кресло напротив, но сам не сел. Остался стоять, опершись рукой о спинку. Я опустилась на край, стараясь не натягивать платье слишком явно. Под тонкой тканью кожа была липкой от жары и нервов.

— Ваш агент сказал, вы давно работаете, — произнес он. — С четырнадцати, верно?

— Да.

— Семь лет. Это большой срок для девушки вашего возраста.

Я ничего не ответила. Он и не ждал.

— И чего вы хотите, Палома?

Вопрос прозвучал просто. Но я почему-то поняла сразу: соврать тут не получится.

— Работать, — сказала я. — Хорошо работать. Попасть в сильное агентство. Сниматься больше.

Он чуть наклонил голову, разглядывая меня так, будто я уже провалила экзамен.

— Слишком скромно.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки.

— Я имела в виду...

— Я знаю, что вы имели в виду, — перебил он спокойно. — Но я спросил не о том, что вы привыкли говорить, чтобы не выглядеть жадной. Я спросил, чего вы хотите.

У меня пересохло во рту. За стеклом переливалась вода в бассейне. Где-то внизу, под этим безупречным светом, наверняка стояли машины, орали люди, пахло бензином и жареным мясом. Здесь же пахло холодом, цитрусом и властью.

— Я хочу хорошие кампании, — сказала я тише. — Контракты. Хочу работать за пределами Колумбии.

Он молчал.

— Еще, — произнес потом.

Я подняла на него глаза.

— Я хочу деньги.

— Это уже честнее.

Мне стало жарко. Не от похвалы. От того, как легко он заставлял меня вытаскивать наружу то, что я обычно прятала даже от себя.

— Я хочу нормальную жизнь, — сказала я. — Чтобы не делить квартиру с соседями. Чтобы не считать мелочь перед кассой. Чтобы мое лицо знали не только на кастингах, где мне говорят подождать еще год.

— Уже ближе.

Он выпрямился и подошел ко мне. Остановился совсем рядом. Я видела тонкую ткань его рубашки, темный ремень, дорогие часы, сухую загорелую руку. От него пахло чем-то легким, чистым, очень дорогим. Ни капли пота. Ни капли суеты.

— Вот это и есть ваша проблема, Палома, — сказал он. — Вас слишком долго учили быть удобной. Скромной. Благодарной за крошки. Такие девушки редко получают много. Они просят слишком мало.

Он поднял руку и двумя пальцами взял меня за подбородок.

— Если хотите войти в другой мир, надо хотя бы уметь назвать его вслух.

Я смотрела на него и молчала. Сердце било уже не в горле, а ниже, в груди и животе сразу. Унижение и страх смешались в одно странное, горячее ощущение. Мне хотелось отшатнуться. И хотелось, чтобы он не убирал руку.

— Скажите это, — произнес он.

— Что именно?

— Чего вы на самом деле хотите.

Я сглотнула.

— Я хочу много денег.

— Еще.

— Я хочу контракты в Америке.

— Еще.

Голос у него не менялся. От этого было хуже всего.

— Я хочу, чтобы меня узнавали.

— Еще.

Я почувствовала, как дрожат колени под платьем.

— Я хочу, чтобы мне больше никогда не приходилось просить.

Он отпустил мой подбородок. На секунду мне стало почти холодно.

Он обошел кресло и встал у стеклянной стены. Потом, не глядя на меня, сказал:

— Подойдите.

Я встала.

Каблуки почти не стучали по полу. Я подошла и остановилась в шаге от него. Терраса за стеклом была залита солнцем так ярко, что вода в бассейне казалась жидким металлом. Внизу тянулся город. Далекий. Шумный. Совсем не похожий на это место, где даже стыд выглядел дорогим.

— Вы красивы, — сказал он, разглядывая мое отражение в стекле, а не меня. — Но в красивых девушках нет дефицита. Дефицит есть в тех, кто понимает цену входа и не ломается на полпути.

Он развернул меня к себе одним движением. Спокойно. Уверенно. Как будто имел на это полное право еще до того, как я вошла в номер.

— Снимите платье.

У меня внутри все сжалось так резко, что я не сразу поняла смысл слов.

— Что?

— Не заставляйте меня повторять.

Это было сказано тихо, но от этого еще страшнее. Я смотрела на него и чувствовала, как в горле поднимается что-то горячее и злое. Я ведь знала, зачем пришла. Знала. Но знание и момент, когда тебе велят сделать первый шаг самой, оказались двумя разными вещами.

Пальцы дрожали, когда я потянулась к молнии. Платье сползло вниз медленно, липко. Сначала плечи, потом грудь, потом живот. Я поймала свое отражение в стекле и тут же отвела взгляд. Белое белье. Голая кожа. Каблуки. И он — полностью одетый, спокойный, наблюдающий.

— До конца, — сказал он.

Я закрыла глаза на секунду и стянула остатки ткани вниз.

Он смотрел молча. И это молчание было сильнее любых слов.

— Теперь повернитесь, — сказал он.

Я подчинилась.

Свет, стекло, вода, город внизу. Я стояла почти голая посреди залитого солнцем пентхауса и чувствовала себя не женщиной, а вещью, которую рассматривают перед покупкой. От стыда у меня горели уши. От страха дрожали пальцы. И где-то глубоко, под всем этим, медленно, как яд, расплзалось другое — низкое, горячее, почти постыдное возбуждение.

Он подошел сзади так близко, что я перестала дышать.

— Вот теперь, — произнес он у самого уха, — можно говорить о ваших перспективах.

Я стояла лицом к стеклу, почти голая, и чувствовала на себе его взгляд так, будто он уже трогал меня везде. Солнце било в пол, вода в бассейне за стеклом дрожала белыми бликами, и от этого весь мир вокруг казался слишком ясным, слишком открытым. Не было ни темноты, ни спасения, ни красивой интимности, за которой можно спрятаться. Только день, стекло и я, раздетая до собственного стыда.

Он подошел сзади вплотную. Я не видела его лица, только отражение в стекле: светлая рубашка, сухая, спокойная фигура, уверенность человека, который привык брать то, за что уже заплатил. Его ладонь легла мне на шею сзади, так, что я сразу перестала дышать полной грудью.

— Не закрывайся, — сказал он тихо. — Ты ведь сама пришла сюда за большим будущим.

От этих слов внутри все светло. Потому что это было правдой. Сама вошла в этот номер. Сама сняла платье. И сейчас уже поздно было делать вид, что меня толкнули в спину.

Он провел рукой вниз по моей спине, медленно, без ласки, как будто оценивал не тело, а материал. Я вздрогнула. Не от нежности. От унижения. От того, как спокойно он обращал меня в вещь, в шаг, в цену, в билет куда-то выше. И, что было хуже всего, какая-то темная, постыдная часть меня уже понимала: именно за этим я и пришла.

— Скажи еще раз, чего ты хочешь, — произнес он.

Голос у меня сел.

— Контракты.

— Еще.

— Работу за границей.

Его пальцы сильнее сомкнулись у меня на шее.

— Еще.

Я зажмурилась.

— Денег.

— Еще.

У меня дрожали колени. В отражении я выглядела моложе, чем хотела. Почти девочкой. Почти неуместной в этом стеклянном, белом, дорогом пространстве, где все было слишком чистым для того, что должно было сейчас случиться.

— Я хочу, чтобы меня наконец заметили, — выдохнула я. — По-настоящему.

Он помолчал секунду, а потом сказал:

— Тогда запоминай этот день правильно. Все большое всегда стоит дороже, чем надеешься.

Я почувствовала, как от напряжения начинает ломить низ живота. Страх, стыд и дрожь в теле перемешались так плотно, что отделить одно от другого было уже невозможно. Он не торопился, но и не утешал. Не задавал вопросов. Не спрашивал, боюсь ли я. Просто вел дальше, туда, где у меня уже не оставалось пространства для отступления.

Его рука вернулась на шею, чуть выше, под волосами. Вторая легла на талию. Я слышала собственное дыхание, слишком частое, слишком явное. Слышала, как где-то за стеклом тихо журчит вода в джакузи. Слышала, как кровь стучит у меня в ушах.

А потом пришла боль.

Резкая, горячая, такая, что у меня потемнело в глазах. Я всхлипнула, вцепилась пальцами в стекло и невольно подалась вперед, будто от этого можно было убежать хотя бы на сантиметр. Но убежать было некуда. Только город внизу, солнечный день и мое отражение, которое я ненавидела в эту секунду всем телом.

Слезы выступили сами, без разрешения. От боли. От унижения. От того, что это происходило именно так: на свету, в тишине, в дорогом пентхаусе, куда я поднялась ради красивой жизни. Моя девственность стояла не романтики, не любви, не дрожащих признаний. Она стояла сделки.

Он держал меня крепко, не давая рассыпаться, и от этого хотелось плакать. Для него это уже случилось в тот момент, когда я вошла в номер. Все остальное было только исполнением.

Я не знала, сколько это длилось. Время в таких вещах ведет себя подло. Оно тянется в боли и проваливается в пустоту. Я только помнила, как дрожали руки, как щеки были мокрыми, как стыд обжигал сильнее воздуха, когда я видела в стекле собственное тело, его ладонь на моей шее и понимала, что назад уже не вернуть ничего. Ни этот день. Ни себя вчерашнюю. Ни ту глупую часть меня, которая когда-то еще верила, что важные двери можно открыть красиво.

Когда все закончилось, я не сразу поняла это. Он отпустил меня первым. Я осталась стоять, тяжело дыша и не в силах сразу обернуться. Между бедер ныло. Колени подрагивали. В

горле стоял соленый ком. Я смотрела на размазанное отражение в стекле и чувствовала только одно: пустоту, в которую медленно подмешивался ужас от того, что это теперь часть моей жизни, а не чужой страшной истории.

Он отошел на шаг, поправил рукав, как будто завершил деловой разговор.

— Можешь одеться, — сказал он тем же ровным голосом. — С тобой свяжутся.

Его телефон снова завибрировал. Он глянул на экран и коротко бросил уже не мне:

— Если его дядя снова начнет торговаться, пусть ищет себе другого посредника.

Я обернулась. Он уже не смотрел на меня как на девушку. Вообще никак не смотрел.

Я нагнулась за платьем, но пальцы дрожали так, что с первого раза не смогли удержать ткань. Он не помог. Разумеется. Я натянула платье на голое тело, кое-как подняла бретели, схватила сумку и пошла в ванную, потому что не могла сделать ни шага к двери, пока не увижу себя.

Там было слишком светло, везде в этом адском дне все было слишком светло. Белый камень, огромное зеркало, идеально сложенные полотенца. На бедре темнел след его пальцев. На губах размазалась помада. Под глазами потекла тушь. Я выглядела не как девушка, которой открыли дорогу в другую жизнь. Я выглядела как девушка, которая только заплатила за вход.

Я включила воду, но руки тряслись так сильно, что едва не выронили кран. Хотелось сесть прямо на пол и разреветься в голос, но я даже этого не могла себе позволить. Потому что в соседней комнате был мужчина, который только что забрал мое “потом”, и где-то за пределами этого номера уже ждал мир, в котором мне предстояло сделать вид, что все было под контролем.

Телефон в сумке коротко вибрировал.

Я достала его и увидела сообщение от агента.

Надеюсь, ты была умницей. Это может многое изменить.

Глава 3

Через четыре дня после той ночи мне впервые за долгое время не пришлось проверять карту перед тем, как вызвать такси.

Я смотрела на экран телефона и почти ждала, что цифры исчезнут. Но деньги лежали на счете спокойно и нагло, как будто были там всегда. Не баснословные. Не такие, чтобы покупать себе новую жизнь и свободу, но достаточные, чтобы хозяйка квартиры перестала писать мне пассивно-агрессивные сообщения про “уважение к договоренностям”, а я — перестала считать, хватит ли мне на жидкие колготки, еду и дорогу до следующего кастинга.

Проблема была только в том, что это был уже не “следующий кастинг”.

Это были сразу три кастинга за два дня. Две примерки. Один тестовый шутинг для бренда купальников. И звонок от агентства, в котором со мной раньше даже не разговаривали без кислой вежливости.

Мир не перевернулся. Он просто вдруг повернулся ко мне лицом. И я слишком хорошо знала цену этого поворота.

— Лома, не тупи, — нервно бросила мне визажистка, держа между зубами кисть. — И если хочешь встать в первый ряд, не моргай, когда я делаю стрелку.

Я не моргала.

Я вообще в последние дни делала все, что от меня требовали, слишком хорошо. Сидела тихо. Вставала куда скажут. Раздевалась без лишних вопросов. Смотрела в камеру так, будто мне правда есть что предложить этому миру, кроме лица, ног и той одной ночи, которую уже не вернуть.

Съемка шла на крыше нового отеля в Чапинеро. Белые шезлонги, стекло, яркое солнце, девушки в купальниках, помощники, которые бегали с водой и спреем от блеска. Все выглядело как реклама той жизни, о которой я семь лет слышала от людей, никогда не стоявших в автобусе в жару и не тыкавших локтями под чужие ребра.

— Палома, развернись ко мне, — щелкнул пальцами фотограф.

Я встала у стеклянного борта, развернула плечо, вытянула шею и поймала нужный угол. Он даже не подошел поправить мне позу. Просто кивнул, как будто я наконец начала выглядеть на те деньги, которые в меня уже кто-то вложил.

Мне все это казалось дико странным.

Насколько все оказалось предсказуемо. Как будто раньше я была такой же, но никому не нужной, а теперь ровно та же Палома вдруг стала “интересной”, “с лицом”, “с хорошей пластикой”, “с правильной энергетикой”. Хотелось смеяться им в лицо. Или плюнуть. Но я только держала подбородок и делала свою работу.

После съемки мне выдали конверт, в который я даже не стала заглядывать при всех. Сунула его в сумку, взяла бутылку воды и ушла на лестницу, где пахло краской, цементом и горячим бетоном. Там не было ни музыки, ни чужих тел в купальниках, ни улыбок. Только я, пластиковая бутылка в руке и гул крови в ушах.

Я села на ступеньку и наконец открыла конверт.

Сумма была в три раза выше той, за которую я бы согласилась еще неделю назад.

Мне стало смешно. По-настоящему.

Значит, вот как это работает. Семь лет обещаний, один отельный номер — и вдруг рынок вспоминает, что ты существуешь.

Телефон в руке завибрировал.

Сегодня вечером. Закрытый ужин бренда и партнеров. Приглашение на имя Паломы Варгас. Машина будет в 20:30. Черный дресс-код. Не опаздывайте.

Я уставилась на экран.

Вот так, значит.

Чувствую себя так, будто меня уже куда-то записали, уже куда-то поставили, уже решили за меня, что я приеду.

И самое мерзкое было в том, что они, скорее всего, не ошибались. Это уже был не уровень кастингов, где красивых девочек держат в очереди по сорок минут. Это был другой этаж. Тот, где тебя не выбирают вслух. Тебя просто в какой-то момент сажают за нужный стол и смотрят, умеешь ли ты молчать достаточно дорого.

Я закрыла глаза на секунду.

В черноте под веками сразу вспыхнуло другое стекло. Другой свет. Белый камень. Его рука у меня на шее.

Я резко открыла глаза и встала.

Нельзя. Не сейчас.

Если уж я за это заплатила, я не собиралась вести себя так, будто мне кто-то делает одолжение. Я выпрямилась, закинула сумку на плечо и пошла вниз по лестнице, мимо запаха бетона и дешевой строительной пыли, к новому дню, в котором мне почему-то все чаще начинало казаться, что мое лицо теперь принадлежит не мне.

Вечером София смотрела на меня так, будто я собиралась не на ужин, а на допрос.

— Черное платье? Seriously? Ты на похороны собралась? — спросила она, стоя в дверях и скрестив руки на груди. — У тебя лицо траурное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.